

Незримая связь

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Незримая связь

Анна и Сергей Литвиновы

Авантюристка #14

В последнее время Татьяне Садовниковой фатально не везло: ее подставили на дороге, обвинили в преступлении, которого она не совершала, и вдобавок уволили с работы... В поисках удачи она отправилась в Тибет, к легендарной горе Кайлас. Все тяготы пути и восхождения Таня перенесла не зря: у подножия священного камня она нашла белую нефритовую чайку. После этого ее дела резко пошли в гору... Вот и не верь в мистику! Но откуда на фигурке странное темное пятнышко? Танин отчим, полковник Ходасевич, отдал чайку на анализ, и результат их ошеломил – кровь! А вскоре кто-то тайно обыскал квартиру Садовниковой. Она не сомневалась: искали именно чайку... Похоже, у ее талисмана зловещая история, и она еще не окончена!

Анна и Сергей Литвиновы

Незримая связь

– Куда ты лезешь? Сумасшедшая? Ты себя в зеркале видела? – кричал мужчина.

Девушка растерялась:

– С утра видела. Ну, бледная немного – так горняшка же.

– Какая горняшка?! У тебя уже лицо посинело! Отек легких развивается! Очень быстро!

– Но у меня ничего не болит! Даже голова прошла!

Мужчина требовательно схватил ее за запястье:

– Пульс – больше ста сорока! Температура – под тридцать девять! Тебе немедленно надо вниз! Бегом!

Взглянул ей в глаза, безнадежно добавил:

– Хотя не дойдешь ты уже. А вертолет сюда вызвать невозможно. Если бы хоть кислород был!

– П-по-моему, вы сгущаете кра... – попробовала возразить она. Но договорить не смогла: грудь сотряс очередной приступ кашля, в глазах потемнело.

Дальше – ничего. Пустота.

А когда очнулась, увидела: Кайлас уже прямо перед ней. Неумолимый, черно-белый, опаляющий холодом. Попыталась шевельнуться – тело не слушалось. Хотела позвать проводника – губы пересохли. Скосила глаза на свои часы, они же высотомер, – стрелка застыла на пяти с половиной тысячах.

«А ведь у меня действительно отек легких, – отстраненно, без страха и без эмоций, подумала она. – И что-то предпринимать уже совершенно бессмысленно. Коллапс, кома, остановка сердца – вопрос, наверно, пары часов. Если не меньше».

Печально заканчивалась ее восточная одиссея.

Что ж, те, кто умирает у священных мест, говорят, попадают в рай.

* * *

Противный Колька, одноклассник из детского сада, обожал Юлечку Ларионову изводить. То компот посолит, то помпон от новой шапочки оторвет. «Пожалуйста воспитательнице», – советовала мама. «Давай я с ним поговорю. По-мужски», – предлагал отец. Но дочка всегда решительно отказывалась: «Не надо. Он на самом деле не злой».

А однажды вернулась из садика и потрясенно доложила родителям:

– Представляете? Колька меня на свой день рождения пригласил!

Юлечка праздника и ждала, и боялась одновременно. «Я же там единственной девочкой буду! Мам, а что мне надеть?»

Но маму беспокоило совсем другое: день рождения планировался в детском клубе, там инфекция сплошная, особенно в сыроежном ноябре. А Юлечка, и без того худенькая, хрупкая, в последние дни совсем бледной стала, под глазами синяки. Не помогали ни прогулки, ни мед, ни рыбий жир.

Но лишать дочку праздника мать не решилась. Нарядила в новое платье, заплетла косу-колосок, смазала нос оксолином и отвезла в детский клуб.

Монстр Колька в честь дня рождения был смирен, облачен в костюм и даже рожу (как всегда в саду бывало) при встрече Юле не скорчил. Лишь изрек философски:

– Когда ты с двумя косами, то коза. А когда с одной – единорог.

– А твой язык, Колька, надо зажарить и отдать собакам, – невозмутимо парировала Юлечка. – С днем рожденья!

И протянула огромный конструктор (упросила маму купить «самый большущий», чтоб имениннику точно понравился).

– Вау! – просиял он.

Колькина мать смущенно произнесла:

– Ну, куда такой громадный! Не заслужил он... – И добавила торопливо: – Вы не волнуйтесь, Юленьке вашей тут хорошо будет.

И действительно: девочка с удовольствием надела на ручку браслет – пропуск в лабиринт – и уже через минуту увлеченно бомбардировала Кольку мягкими шариками из пневмопушки.

Дочка выглядела такой счастливой! Разрумянилась, глазки заблестели.

Но все равно мама волновалась. И в детский клуб приехала гораздо раньше, чем было назначено.

Колька заметил ее первым. Оторвался от ядовито-кремового торта, сообщил радостно:

– А у вашей Юльки кровь из носа текла!

– Я нос, наверно, случайно ушибла, – виновато произнесла дочка. – Но уже ничего не болит. Только платье новое жалко...

Румянец – пылает, а лоб, нос, подбородок – совершенно бледные.

– Ты не заболела? – Мать взволнованно коснулась губами виска девочки.

Температуры, к счастью, не было, но она все равно с трудом дождалась, когда отгремит в честь именинника фейерверк из конфетти, всем гостям раздадут надувные шары и можно будет идти домой.

Юля – хотя времени было только восемь – всю дорогу терла глазки и даже мультиков не попросила, пожаловалась: «Я спать хочу».

А наутро, едва встала с постели, покачнулась. Пробормотала удивленно:

– На меня чуть потолок не упал.

Мать подхватила дочь на руки:

– Слушай, ты сама-то не падала? Головой не ударялась на этом дне рождения?

– Ну... один раз только немножко. Когда Колька меня с горки толкнул. Но он не нарочно!

– С высокой горки?!

– Ну, такая... со второго уровня на первый. Да я в шарики упала, они мягкие! Ты не волнуйся!

– Ничего себе! – возмутилась мать.

Выглядела дочка опять – как в последние дни – словно печальное облачко. В лице ни кровинки, глазищи огромные, блестят. Но лоб прохладный.

– Я врача сейчас вызову, – схватилась она за телефон.

– И что ему скажешь? – скептически поинтересовался муж.

– Что у ребенка – головокружение, это ненормально, согласись.

– Но у меня уже ничего не кружится, – запротестовала Юлечка.

И бодрячком побежала в ванную. Мама стояла в дверях, улыбаясь, наблюдала, как старательно Юля выдавливает зубную пасту, аккуратно, до кромки, наливает воду в стакан.

– Рубашка моя чистая где? – отвлек ее муж.

Объяснять, где лежит, бесполезно – проще в руки дать.

Мать вышла из ванной комнаты. А когда вернулась – Юлечка лежала на полу.

– Доча! – бросилась к ней мать.

– Мам, все хорошо, – слабым голосом произнесла девочка. – Я поскользнулась просто.

Да что же за напасть!

– Мы идем в поликлинику. Прямо сейчас, – твердо произнесла мама.

Но женщина-врач, равнодушная и усталая, ее опасений не разделила:

– Простудных явлений нет. Сотрясения мозга – тоже. Переутомился ребенок ваш. Они в шесть лет быстро растут, организм не справляется. Отсюда и головокружения, и бледность.

Что ж, доктору виднее.

Мама чуть успокоилась. Юля еще месяц считалась здоровым ребенком и исправно ходила в садик.

Правда открылась лишь спустя месяц, когда у девочки, наконец, взяли кровь на анализ.

И правда оказалась безжалостной: Юлечка Ларионова умирала.

* * *

Многие великие дела начинаются с мелочей. Так и у Татьяны Садовниковой. Завертелось все с того, что она решила: пора ей завести в Интернете собственный блог. У всех есть, а у нее до сих пор нет!

И завела. Писала каждый день о том же, о чем и прочая публика: про погоду, работу, шопинг, поругивала правительство, изредка философствовала.

Садовникова надеялась, что читателей у нее будет несколько сотен как минимум. Но увы – особой популярности ее блог не снискал.

– Ты слишком интеллигентна для того, чтоб стать известной, – насмехались подруги. – Пиши про любовников, эротические фантазии, ругайся матом – поклонников сразу прибавится.

Однако Таня все же надеялась раскрутить свой блог и без «жареного». Добросовестно просматривала все комменты, искренне радовалась каждому новому френду.

Однажды, в ответ на пространный пост о распродажах, прочла:

Как считаешь, в чем смысл жизни? Старик Аристотель учил: он в том, чтоб служить другим и делать добро. А ты умрешь – тебя никто и не вспомнит.

Отвечать анонимному злопыхателю Садовникова не стала. Мало ли на просторах Интернета желающих просто так, без повода, настроение человеку испортить?

Но бывает, что запомнится какая-нибудь глупость и не выгонишь ее из головы никакими силами. Так и с этим комментарием: будто песенка навязчивая прицепилась, запустила цепную реакцию грустных мыслей.

Черт, вздыхала Таня, а ведь прав неизвестный недоброжелатель. Жизнь-то проходит – в путешествиях, вечеринках, работе, шопинге, фитнесе, пустой болтовне!

«А сделала я хотя бы что-то, чтоб, красиво говоря, в людской памяти остаться?» – задала себе вопрос она.

Ну, допустим... многие рекламные ролики, что она придумала, народу запомнились, престижные призы получили. Мужчины – кто любил ее и кого любила она – никогда ее не забудут. И все, все! В остальном она никак не изменила мир, не улучшила его, не оставила о себе доброго следа!

«Эй, Танька! – оборвала саму себя Садовникова. – Да у тебя депрессия, что ли?»

Впрочем, те, кто в депрессии, обычно тоскуют, рыдают и бесцельно себя корят. А Тане, наоборот, вдруг захотелось что-то СДЕЛАТЬ! Пока не поздно еще, ухватить колесо судьбы, развернуть собственное бесцельное бытие в правильном

направлении.

Таня была не из тех, кто начинает новую жизнь с понедельника или с Нового года, потому взялась за коррекцию судьбы немедленно.

Рекламное агентство, где она работала, как раз выиграло тендер на продвижение очередного «чудо-крема», и заказ отдали ей.

Садовникова, как всегда, протестировала продукцию на себе, внимательно прочитала аннотацию, отзывы в Интернете и сделала неутешительный вывод: увы, крем в плане омоложения и даже банального увлажнения кожи совершенно бесполезен. К тому же у многих вызывает аллергию.

А от нее требуют, чтоб побуждала доверчивых женщин к покупке. Вбивала в их головы постулаты об уникальности товара. Заверяла, что, только мазни личико, сразу станешь самой желанной, потрясающей, любимой. Ох, до чего надоело! Можно, конечно, просто уволиться – только на ее место тут же возьмут кого-нибудь еще.

Но что, если... не дурить, как принято, потребителя, а сыграть с ним честно?

И Таня для рекламы крема выбрала путь нетривиальный. Решила: не будет никакого гламура, холеных фотомоделей, ярких тропических красок. Снимать ролики нужно в российской глубинке, героиней взять обычную, не слишком эффектную девушку, и от стандартной идеи (именно этот крем превратит тебя в принцессу!) уйти максимально. Даже девиз для рекламной кампании придумала совершенно неожиданный: «Красавиц замуж не берут».

Директор агентства, когда прочитал концепцию, усмехнулся:

– Первейший закон рекламы нарушаешь, милочка. Пипл от тебя красивого ждет, а ты ему критический реализм подсовываешь.

– Да пипл счастлив будет, – парировала она. – Красивым весь телевизор полон. Давно пора сменить пластинку.

Начальник задумался. Наконец сказал:

– Ладно, Садовникова. Ты звезда. Имеешь право. Уверена в успехе – рискуй.

Но Таня – когда придумывала сценарий и снимала ролик – впервые в жизни не думала ни об успехе, ни о продажах. И о том, чтоб отхватить за свой клип премию, тоже. Конечно, ее обязанность – всучить потребителю как можно больше баночек пресловутого крема. Но сейчас ей очень хотелось совсем другого – донести до тысяч, миллионов обычных женщин простую мысль: жизнь коротка, не стоит тратить отпущенное тебе драгоценное время на то, чтоб обратиться в прекрасную принцессу. Не надо часами грустить перед зеркалом, расходовать силы и деньги на дорожные процедуры. Даже статистику в своем ролике привела: лишь половина тех, кого считают красавицами, замужем. А счастливы из них – от силы десять процентов.

Ролик вышел на экраны и публике понравился. До Тани даже несколько писем дошло – передали с телеканалов: женщины дружно благодарили ее «за правду». Одна бабушка и вовсе спасительницей называла: «Внучка раньше с ребятами встречаться стеснялась, считала, что некрасивая. А теперь рекламу вашу посмотрела – и поклонника себе завела, на дискотеки ходит!»

В письмах, правда, ни слова не было о том, купили ли благодарные потребители пресловутый крем, но Таня все равно была счастлива. Она впервые реально помогла многим людям!

И готова была продолжать делать добро.

...Вскоре после выхода ролика на экраны раскаленным июньским днем Садовникова спешила по Тверскому бульвару. (Машину из-за пробок пришлось бросить на подступах к Садовому кольцу.) Ковылять в деловом костюме, колготках и на каблуках было жарко и неудобно. И вдвойне обидно, что народ кругом разряжен по-пляжному, атмосфера на столичном бульваре будто на курорте. Кто с мороженым на лавочке прохлаждается, кто с пивом на газоне. Подростки перекидывают мяч, пенсионеры играют в шахматы, малышня босиком бегают по газонам. Таня даже размечталась: послать бы сейчас к богу в рай надоевшую работу, стянуть колготки, купить вредящую кока-колу, плюхнуться на траву, и плевать, что дорожный костюм от Ив Сен-Лорана мигом зазеленится.

Впрочем, люди, отдыхавшие на бульваре, поглядывали на нее с завистью и, возможно, мечтали оказаться на ее месте. Молодая, красивая, успешная, дорого

одетая. Спешит на необременительную – уж точно, не траншеи рыть! – работенку.

Особенно горьким взглядом проводила ее совсем молодая, не старше семнадцати, девчонка. Столько даже не зависти в ее зоре было, но безнадеги, смирения перед собственной грустной долей. Таня мимолетно разглядела девушку: одета простенько, ногти обгрызены, толстушка, далеко не красавица.

«Интересно, видела она мою рекламу про крем?» – задумалась Таня. Впрочем, быстро выбросила случайную прохожую из головы. Не до пустых размышлений сейчас. Нужно на предстоящих переговорах сосредоточиться.

...Тот рабочий день затянулся почти до десяти вечера, и когда Таня возвращалась с работы, поваляться на газоне уже не мечтала. Переговоры с двумя заказчиками и мозговой штурм по новому проекту кого угодно измотают. Поскорей бы выволить с платной стоянки машину, добраться до спасительной тишины квартиры и плюхнуться в прохладную ванну.

Публика на Тверском к вечеру сменилась. Вместо студентов с конспектами и пенсионеров с газетами – все больше пьяноватые подростки. Но девушка, на которую Таня обратила внимание утром, осталась на той же самой лавочке. Еще более грустная, под глазами залегла синева. Пьет кефир, в руках булочка. И носом хлюпает – то ли простудилась, то ли плачет.

«Она что ж, целый день тут сидела?! – заинтересовалась Татьяна. – Но зачем? Жаль, спросить неудобно».

Уже прошла мимо, как вдруг услышала за спиной робкий голос:

– Извините, пожалуйста.

Остановилась, обернулась. Ободряюще улыбнулась несчастному созданию:

– Да?

Та совсем засмушалась, опустила голову:

– У вас, случайно, не найдется пятидесяти рублей?

Татьяна еле сдержала вздох разочарования.

Попрошаек – особенно молодых, здоровых – Садовникова не переносила на дух. А их сказки, всегда однотипные, про сгоревший дом и деньги на операцию ребенку, ее просто бесили. Неужели эта особа сейчас заведет ту же шарманку?

– И зачем тебе пятьдесят рублей? – усмехнулась Татьяна.

– Нужно кислоту купить. Аскорбиновую, – вздохнула девушка.

Что-то новенькое.

– Зачем тебе?

– Не мне. – Попрошайка погладила себя по животу. – Маленькому.

И только тут Садовникова разглядела: девчонка-то не толстая, как ей сначала показалось, а в положении! Таня не слишком разбиралась в сроках, но живот был уже огромный.

«Купит она себе пива вместо аскорбинки!» – подленько шепнул внутренний голос.

Но Таня все же вытащила кошелек.

Пятидесяти рублей в нем не нашлось. Мелочью, может, и наскребла бы, но Садовниковой вдруг стыдно стало вытряхивать несчастной копейки. И она широким жестом протянула пятисотенную:

– Возьми.

– Ой... – растерялась та. И неожиданно брякнула: – А у меня сдачи нет.

– Не нужно мне сдачи, – поморщилась Таня. – Пойди, вон, черешни себе купи, настоящих каких-нибудь фруктов, а не химической аскорбинки.

– Что ж... спасибо вам огромное, – незнакомка расплылась в недоверчивой улыбке. – Маленькому на приданое пойдет.

– Слушай, – не удержалась Садовникова. – У тебя совсем, что ли, денег нет?

– Нету, – вздохнула та. – С работы сразу выгнали, как про беременность узнали, с квартиры тоже.

– А... парень? Отец ребенка?

– Бросил меня. Да и пошел он! – Девушка недобро блеснула глазами.

Таня вообще не представляла, что бы она сама делала в подобной ситуации – беременная, без жилья, без поддержки. А как другие справляются, прежде не задумывалась. Считала: сами виноваты. Но эту непутевую ей вдруг до того жаль стало!

– Под кустом, что ли, будешь ребенка рожать? – укоризненно произнесла Садовникова.

– Ерунда. Прорвусь, – отмахнулась девушка. – Лето, тепло. А срок подойдет – в больничку сунусь, по «Скорой». Примут, куда денутся. Когда схватки, без полиса можно.

И Татьяне вдруг стыдно стало за собственную, честно заработанную квартиру, высокую зарплату, беспроблемную жизнь. Едва не ляпнула: «А поехали ко мне! Хоть ванну примешь, отдохнешь нормально!»

Но от опрометчивых слов удержалась – рискованно неизвестно кого к себе домой приглашать. Пробормотала:

– Слушай, неужели тебе вообще пойти некуда? Есть же какие-то фонды, организации благотворительные?

– Вот еще, к ним в казарму! В девять ноль-ноль отбой, мозг компостируют, – окрысилась девушка. – Я уж лучше тут, на природе.

– Ну, хорошей тебе тогда ночи, – пожала плечами Таня.

Юркнула в метро, добралась до парковки, где ее дожидалась машинка, красавец-«Инфинити». Откинулась в удобном кресле, включила кондиционер, музыку. Задуматься бы сейчас о приятном – грядущем отпуске, круизе по норвежским фьордам, например. Но никак не выходила у нее из головы несчастная беременная. Может, денег ей дать? Еще, да побольше? Таня не обеднеет. Беда в другом: не умеет такой контингент распоряжаться капиталом. К гадалке не ходи: откладывать девица не станет, помчится на какой-нибудь дешевый рынок, наберет себе ворох кофточек с люрексом, пару раз шиканет в ресторане – и снова на бульвар, милостыню просить.

Значит, нужно не деньгами помочь – как-нибудь по-другому.

Таня – хотя прежде о благотворительности понятия не имела – план «спасения утопающей» разработала быстро. И назавтра – когда снова увидела свою знакомую на бульваре – подошла к ней сама. Деловито произнесла:

– Я тебе общагу нашла. Удобства на этаже, но комната отдельная. Против ребенка там не возражают. Готова оплатить твоё проживание. Месяца на три. И обеды в столовой, хотя бы раз в день нормально питаться будешь.

Девица опешила:

– Ой... – Взглянула на Таню чуть не со страхом, добавила: – Зачем это вам?!

– Сама не знаю, – честно призналась Садовникова.

– Вы, может... – беременная окинула ее внимательным взглядом, – моего ребенка купить хотите?

– С ума сошла, – фыркнула Таня. – Зачем он мне нужен?!

– А чего? У меня там, – погладила себя по животу, – мальчик. Здоровенький. Славянин.

– Если понадобится, я себе сама рожу, – заверила Татьяна. Взглянула на часы, поторопила: – Ну, что решаешь?

– Да, да, да!

– Тогда жди меня здесь же вечером. Часов в восемь.

Денег, что потратить придется, Таня вообще не жалела. А вот времени уйдет уйма: общежитие, где согласились принять женщину с ребенком, находилось на другом от ее дома конце Москвы, в Отрадном. Но что поделаешь, если уж взялась за благотворительность!

* * *

Крыша над головой и собственная постель – что может быть лучше?!

Таня рассчитывала, что ее протеже рассыплется в благодарностях, но та свое новое жилище приняла без восторга:

– Душно здесь. Шумно. И гастарбайтеры.

– Не нравится – возвращайся на бульвар, – пожала плечами Садовникова.

– Да ладно. Перекантуюсь пока. – Девушка ей будто милость оказывала.

Кто их поймет, несчастных-бедных!

Татьяна уже изрядно устала от нового своего амплуа матушки Терезы. Сухо попрощалась с беременной – и с удовольствием юркнула в машину, свое убежище. Время близилось к полуночи, город наконец опустел – гнать бы сейчас под двести, благо двигатель позволяет. Впрочем, – раз уж начала остепеняться, – будь последовательной. Потому Садовникова превышала лишь изредка и ненамного.

В паре километров от общежития, на односторонней улице Бестужевых, у остановки замер автобус. Обгонять нельзя, двусторонняя сплошная. Таня послушно притормозила. Пассажиры вышли, но «Икарус» отъезжать не спешил. Сзади забили. Девушка взглянула в зеркало: на хвосте черный джип.

– Обгоняй, если такой умный, – пробормотала она.

Водитель внедорожника бесстрашно унесся по встречке. Вслед за ним последовала убитая «пятёрка» – толстомордый водитель не поленился открыть окошко, выкрикнул Татьяне:

– Езжай, овца! Никого нет!

Автобус продолжал стоять с распахнутыми дверями.

«Что я действительно: совсем зашуганная! Ночь, менты все спать легли».

Но только Таня вывернула за сплошную – ей наперерез тут же выпрыгнул гаишник. Его лицо выражало неприкрытую радость.

– Нарушаем? – весело произнес он.

Откуда он взялся? Ага, вот полицейская машина. Хитро замаскирована за газетной палаткой. Все чин чинком: два полицейских, камера на треноге. Похоже, проверенное хлебное место.

Ладно, прорвемся. Еще не родился мужчина, который мог бы устоять перед ее умоляющей улыбкой.

– Простите неразумную, – виновато произнесла Таня. – Все поехали, и я поехала.

Обольстительно улыбнулась полицейскому, но тот смотрел сурово. Сухо констатировал:

– Обгон через сплошную.

– Не обгон, а объезд препятствия, – парировала Татьяна. – Вы что, не видите? Я минут десять честно стояла, ждала, а он все не едет. Сломался, наверно.

– Аварийная сигнализация у автобуса включена? – вкрадчиво поинтересовался гаишник.

Ответить Таня не успела – вредный «Икарус» в самый неподходящий момент закрыл наконец двери и отбыл.

– Вот видите, не сломан. Видеозапись нарушения смотреть будем? – деловито спросил полицейский.

И подмигнул своему напарнику.

Но Таня сдаваться не собиралась:

– А почему вы джип не остановили? И «пятерку»? Они раньше меня проехали!

– Документики давайте, – еще более хмуро произнес страж порядка.

– Отпустите меня, пожалуйста! – не теряла надежды Садовникова. – Я ведь никому не помешала, аварийной ситуации не создала. Ночь, машин нет, пешеходов тоже.

– А ПДД – они в любое время суток едины, – назидательно произнес мент.

Вот зараза!

– Сколько? – устало выдохнула Татьяна.

– В патрульную машину пройдемте, – поджал губы гаишник.

И только в ней нацарапал на бумажке: сто тысяч.

– Вы, по-моему, лишний ноль приписали, – покачала головой Садовникова.

– Как угодно. – Полицейский шустро разорвал бумаженцию.

И взялся выписывать протокол.

– Вот, блин, правовое государство! – вырвалось у Тани. – Вы б лучше пробки так ретиво разруливали! Угнанные машины искали!

– Водительское удостоверение я у вас изымаю, – невозмутимо изрек гаишник. – А за повесточкой в суд завтра подъедете. Сюда же, в Северо-Восточный округ.

– Послушайте, но это ведь натуральная ловушка! Подстава! – продолжала бушевать Таня. – И почему вы остановили именно меня? Потому что у джипа номера блатные, а с «пятерки» взять нечего?!

– Что-то вы, девушка, очень агрессивная. Алкогольные напитки сегодня употребляли?

– Я не пью за рулем!

– Сейчас проверим.

Сомневаться не приходилось: алкотестер ей подсунут какой-нибудь левый, хоть десятую долю промилле, да покажет!

«Вот я попала! – пронеслось в голове у Тани. – Может, черт с ним? Заплатить? Наличных у меня нет, но, говорят, гаишники не гнушаются до банкомата подбросить».

Но предложить деньги не успела. Увидела: в спину полицейской машины ударил свет фар. Очередной автобус! А спустя секунду – она просто глазам своим не поверила! – его обогнала та же самая убитая «пятерка». Ошибиться Таня не могла: красная, с мятым крылом, за рулем – все тот же мордатый парень.

Напарник полицейского – он оставался на дороге – принял боевую стойку... и через долю секунды уже бросился к очередной жертве, новенькому белому «Мицубиси», что опасливо вырулил из-за автобуса.

– Да у вас тут целый кооператив! – ошарашенно молвила Татьяна. – Я на вас жалобу напишу!

– О чем? – Гаишник взглянул на нее даже жалостливо. – Не мы ведь вас на встречную полосу выезжать заставляли.

– Но эта битая «пятерка», что сзади сигналит, – она явно с вами в доле. Людей провоцирует, а вы ей потом процент от прибыли отстегиваете!

– А дисциплинированный водитель на провокации поддаваться не должен, – усмехнулся полицейский. И вручил ей протокол: – Извольте подписать.

– И не подумаю! Хотя нет, давайте.

В месте, оставленном для объяснений, Таня красочно описала, в чем суть ловушки: ночь, автобусная остановка, битые «Жигули»-провокатор.

Гаишник прочитал, покачал головой:

– Неразумно себя ведете. Лучше б вину признали и минимальным наказанием отделались.

– А мне что четыре месяца без руля, что шесть – одинаково плохо, – заверила Татьяна. – И я еще куда следует сообщу, что вы у меня взятку вымогали. – Не моргнув глазом соврала: – Я бумажечку, на которой вы сумму написали, сфотографировать успела.

Полицейский взглянул встревоженно – но, увы, быстро просек, что девушка блефует. Беззлобно буркнул:

– Да хоть ты из себя вывернись – бесполезно. Суды за выезд на встречу решение не глядя выносят.

Вручил ей копию протокола, временное разрешение на вождение – и поспешил на выручку приятелю, который уже обрабатывал перепуганную водительницу белой «Мицубиси».

Таня вернулась в свою машину. Из приемника лился беззаботный Штраус, и она раздраженно выключила музыку.

«Вот я попала! – корила себя Татьяна. – Чего понесло меня в это Отрадное?! Беременной сиротке решила помочь, только подумать. А сама вместо высшей благодарности без прав останусь!!!»

Домой она вернулась только к двум часам ночи. Завтра вставать, как обычно, в восемь, но сна – ни в одном глазу. Требовалось срочно выплеснуть эмоции, и Садовникова плюхнулась за компьютер.

Нужно поделиться с читателями блога последними новостями.

Таня, пока строчила, зло и хлестко, пост о подлых ментах, не надеялась на какой-то особенный отклик. Однако комменты, несмотря на поздний час, посыпались градом. Причем не от френдов – от совершенно незнакомых людей. Писали разное. От иронического: «Ты блондинка?» – до сочувственного: «Выпей водки!». Советовали своих адвокатов, подсказывали, где раздобыть фальшивые права, парочка граждан, вдохновленных Таниной фотографией-аватаркой, предлагала стать ее шоферами.

«Любит у нас народ про чужие беды читать», – усмехнулась Татьяна.

Но на душе от дружного людского сочувствия стало легче.

...Назавтра ей снова пришлось тащиться в Отрадное за повесткой в суд. (Почему бумажку нельзя было выдать сразу – осталось загадкой.) Дорога заняла два часа, зато в полиции Таня провела не больше пяти минут. И решила, раз уж все равно занесла ее нелегкая на столичную окраину, заглянуть в общежитие. Проведать свою подопечную.

Беременная оказалась дома. С чрезвычайно мрачным лицом валялась на кровати, читала глянцевого журнала. Увидела Татьяну – даже не приподнялась, вяло приветствовала:

– Проверять приехала? Не бойсь, все нормально у меня. Не буяню, не кирую.

И вдруг оживилась, тяжело села на постели, уставилась на Танины босоножки:

– Это у тебя «Прада»? Из новой коллекции?

– Разбираешься в модных тенденциях? – усмехнулась Садовникова.

– Чего остается? – оскалилась девица. – Только завидовать, как другие живут. Слушай, откуда у тебя все? Тачка классная, деньги, шмотки? Любовник богатый?

– Не угадала, – пожала плечами Татьяна. – Я всего лишь много работаю.

Беременная взглянула недоверчиво:

– Брось. Своим горбом на «Праду» не напашешь.

Да что ж это такое! Почему ей еще оправдываться перед нахалкой приходится?!

Но Таня все же объяснила:

– Я окончила университет. Аспирантуру. Знаю два иностранных языка. Работаю в американской фирме. И получаю адекватно своей квалификации.

– Нет, ну везет же некоторым, а? – в голосе девицы звучала неприкрытая зависть.

«Что-то, по-моему, совсем неправильный я выбрала объект для благотворительности», – запоздало раскаялась Садовникова. Но делать нечего. Взялась помогать – терпи.

Татьяна решила сменить тему. Опасливо покосилась на огромный живот своей протеже, спросила:

– Тебе рожать-то когда?

– Да уже побаливает. Сегодня, наверно. Или завтра. Уж не чаю, когда наконец избавлюсь. Ох, и напьюсь, когда все закончится! – Девица мечтательно

улыбнулась.

– А ты кормить ребенка разве не собираешься? – удивилась Садовникова.

– Вот еще! – возмутилась беременная. – Чтоб грудь отвисла?!

Читать лекцию про иммунитет, что закладывается у ребенка благодаря материнскому молоку, Татьяна не стала. Лишь вздохнула:

– Ладно. Удачи тебе.

– Слушай, – торопливо молвила та, – а у тебя еще тысчонки не найдется? Чего-нибудь вкусенького хочется, а в столовке кормежка дрянная.

– Извини, больше ничем помочь не могу, – ответила Садовникова.

И услышала в спину:

– Жадюга!

Вот мерзавка!

Таня еле удержалась от искушения отправиться прямо сейчас к коменданту общежития и потребовать возврата денег, что уплачены за проживание противной девицы.

А вечером вышла в Сеть с очередным постом. Назвала его: «К черту благотворительность!» Повела про свой порыв – помочь несчастной девушке. Времени кучу потратила, денег. А та еще и недовольна – что я ей общежитие оплатила, а не роскошный отель.

И снова – на удивление! – получила самый горячий отклик. Целых триста комментариев! Народ давал советы, спорил – и с ней, и между собой, высылал ссылки на сайты тяжело больных детишек, просил о помощи, сочувствовал и насмехался.

Татьяна внимательно прочитала все комментарии. Отправилась по одной из ссылок на страничку шестилетней девочки Юли Ларионовой. Рассмотрела фотографию: очень худенькая, огромные глазищи, застенчивая улыбка. Прочитала про безнадежный диагноз и варианты лечения: Только на подбор потенциального донора костного мозга требуется пятнадцать тысяч евро, – сообщали волонтеры. Но честно признавались: шансы, что ребенок выживет даже после трансплантации, – невелики.

Садовникова, чувствуя себя виноватой, закрыла сайт. Ну отправит она Юленьке деньги. А если уже слишком поздно? Или, еще обиднее, средства до ребенка просто не дойдут, осядут на счетах ушлых посредников? Куда легче – да и дешевле – просто оплатить случайно встреченной девице общежитие и питание в столовке.

...Спала этой ночью Садовникова из рук вон. Снилось чушь исключительная. Гаишник (тот самый, противный, что отобрал права) протягивал ей орущего младенца. Таня отказывалась, отталкивала его, но полицейский супил брови: «Извольте получить, заказ оплачен». Потом видение сменилось – ее окружила толпа исключительно некрасивых женщин. Они обступали ее все плотней и плотней, громко скандировали: «Дай нам чудо-крем!» А закончился кошмар седобородым старцем. Тот похож был на Серафима Саровского, но говорил почему-то по-английски, требовал: «Спроси Миларепу!» При чем кто такой Миларепа – Татьяна ни малейшего понятия не имела.

Проснулась совершенно разбитой – и почему-то в твердой уверенности, что череда неприятностей далеко не закончена.

Так и оказалось.

Не успела прийти на работу, ее вызвал шеф. Официально, через секретаршу, – сей факт ничего хорошего не сулил. В кабинете, помимо директора агентства, присутствовали двое: заказчики рекламы того самого чудо-крема. Выглядели все трое чрезвычайно хмуро.

– Слушаю вас внимательно, – бодро улыбнулась Татьяна.

Мужчины переглянулись.

– Госпожа Садовникова, – вкрадчиво улыбнулся производитель крема, – как вы думаете, насколько изменилась динамика продаж после выхода на экран ваших роликов?

Таня не сомневалась ни секунды:

– Естественно, продажи взлетели. А насколько – это вопрос не ко мне, я не эккаунт, я копирайтер.

– Завидное самомнение, – покачал головой мужчина.

Второй же кремопроизводитель едко добавил:

– Мы тоже полагали, что они взлетят. Хотя бы потому, что оплатили самое дорогостоящее время на центральных каналах. Однако вот, если угодно, график. Полюбуйтесь.

И продемонстрировал на экране ноутбука печальную, как в кардиограмме у покойника, прямую линию.

– Ты проводила предварительное тестирование перед запуском ролика? – хмуро поинтересовался у Тани директор агентства.

– Естественно, – не моргнув глазом соврала Татьяна. – Все в восторге, народу особенно слоган понравился.

– Да-да, я помню. «Красавиц замуж не берут», – зловеще процитировал один из заказчиков. – Мы, к сожалению, тогда поверили вам на слово. И сами проверили эффективность вашего сомнительного девиза только сейчас. Выяснилось: он вызывает исключительно негативные эмоции. Тридцать семь процентов ответов: «Не куплю ни в коем случае». И двадцать девять – «скорее не куплю». И это вы называете удачным слоганом?!

– Я не знаю, что у вас была за выборка, – продолжала защищаться Садовникова, – но женщинам моя реклама реально нравится. Ее вся страна цитирует!

– Вот именно, – злобно кивнул парфюмер. – Цитирует. Но крем при этом не покупает!

– Ты занималась чистым искусством, Таня, – укоризненно вставил свои пять копеек генеральный директор, – но у нас не музей и не театр. Мы должны деньги зарабатывать.

– Ну чего вам стоило, – почти жалобно произнес производитель крема, – написать, что именно наш крем превратит любую женщину в красавицу?! И снять в ролике не прыщавую девочку-подростка, а какую-нибудь фотомоделю?

– Потому что это было уже сто миллионов раз!

– И всегда работало, – тяжело вздохнул второй парфюмер. – А вы нас разорили. Мы будем возврата денег требовать. Хотя бы тех, что ушли на разработку рекламной концепции.

– Ваше право, – не стал возражать Танин начальник. Кивнул на Садовникову: – Мы будем из ее зарплаты вычитать.

Тане кровь ударила в голову. Она запальчиво произнесла:

– А вам не приходило в голову, что дело не в рекламе? Что банально ваш крем просто дерьмо?!

Производители не обиделись, тут же парировали:

– А вам не приходило в голову, что мы за то и платим: чтоб вы из дерьма конфетку делали?!

– Да, Татьяна, – тяжело вздохнул ее непосредственный начальник. – Не доросла ты еще до карт-бланша, до полной свободы. Так что с руководства проектами я тебя снимаю. Будешь рядовым копирайтером. Причем с испытательным сроком. Иди. Приказ я готовлю.

– Не надо, – отмахнулась она. – Я лучше сама. Заявление об увольнении напишу.

– Препятствовать не стану, – поджал губы шеф.

Вот и благодарность за то, что помогла она миллионам российских женщин почувствовать себя увереннее, красивее, успешнее!

Тем же вечером Таня описала в своем блоге последние события. Горько резюмировала:

Мир, особенно наш, рекламный, полон вранья! Вы думаете, кот, что весело скачет по крышам, ест тот самый корм? Да никогда в жизни, его пичкают исключительно мясом! И никаких живых бактерий в йогуртах нет, просто быть не может – потому что у них срок хранения больше месяца, а бактерия существует только пять дней, а потом погибает. И кремы – те, что дешевле двух тысяч рублей, – вообще не работают или делают женщине только хуже! Но ты, рекламист, обязан из года в год повторять: потребляй, пей, ешь – и будешь идеальной, успешной, красивой! А тех, кто смеет даже не сказать – просто намекнуть на правду! – вышвыривают, не задумываясь! Как вышвырнули меня!!!

Таня закончила свой крик души, сердито кликнула на «отправить».

Комментариев не дождалась – отвлек звонок в дверь. Кто это может быть – в половине первого ночи?

На цыпочках прокралась в коридор. Снова звонок, мужские голоса. Скрипнула соседская дверь, зажурчал услужливый голос: «Татьяна-то? Дома, дома, где ей быть? Вон, и машина ее во дворе...»

Снова трезвонят, требовательно кричат:

– Откройте, полиция!

– Что случилось? – распахнула она дверь.

В квартиру ввалились двое.

Молчат, сверлят ее неприветливыми взглядами. Наконец первый молвил:

– Мы от Пряхиной.

– От кого?! – искренне опешила Татьяна.

– Пряхина Анастасия Григорьевна, ваша подружка. Беременная. Та, кого вы в общежитие поселили.

– Она Пряхина? Я и не знала, – промямлила Садовникова. – И какие ко мне претензии?

– В каких вы с ней находитесь отношениях?

– Да ни в каких. Просто помогла немного.

– Имея целью получить в качестве благодарности ребенка?

– Чего?!

– Что вы планировали сделать с младенцем? Оформить как собственного? Продать на органы?

Татьяна вспылила:

– Что за чушь вы несете?

– Ты выражения-то подбирай, – нахмурился первый полицейский.

А второй услужливо объяснил:

– Так Пряхина призналась во всем! Что вы сначала у нее ребенка отобрать пытались. А когда она отказалась, вынудили ее сына продать.

– Как продать? – захлопала глазами Садовникова.

– Да очень просто. На Комсомольской площади. За триста тысяч рублей.

– Это я ей велела? – совсем уж растерялась Татьяна.

– Пряхина утверждает: деньги ей нужны, чтоб с вами рассчитаться. Вы ей якобы в долг давали. И велели продать ребенка – чтоб расплатиться. С процентами.

– Я, что ли, сумасшедшая? С такой... такой... – Садовникова никак не могла подобрать нужного эпитета, – дурой бизнес затевать?!

– Но вы ведь действительно оплатили ей общежитие. Талоны на питание купили. Имелись, значит, у вас определенные планы.

– Да пожалела я ее просто! Благотворительностью, блин, решила заняться!

Полицейские переглянулись.

– Послушайте, я кандидат наук и работаю на серьезной должности, – устало молвила Таня. – Неужели вы правда думаете, что я стану торговать детьми?

– Душа человека – потемки, – глубокомысленно изрек один из полицейских.

– Да бросьте. Я просто в людях не умею разбираться, – грустно вздохнула Татьяна. – Ребенок-то цел?

– В порядке, – хмуро буркнул второй страж. – В инфекционную отвезли, на карантин.

– Давайте, объяснение напишете, – велел первый.

...Отвязалась Таня от полицейских только в третьем часу утра. Устало плюхнулась на диван, грустно вздохнула. Ничего себе, начала она новую жизнь!

* * *

Несколько лет тому назад

Наталья Васильевна была одной из пациенток, на которой держался весь оздоровительный центр. Побольше бы таких, как она: любопытных, доверчивых, а главное, богатых! Обязательно опробует каждую новую процедуру, массажи, протестирует на себе кремы, сыворотки, скрабы... Девочки с рецепции над пожилой дамой посмеивались, называли ее – между собой – всеядная бабка.

Но Влада Симонова, директор оздоровительного центра, относилась к Наталье Васильевне с подчеркнутым уважением. Чувствовались в пожилой женщине неприкаянность, доброе сердце, беззащитность. А что денег не считает – радоваться надо. Что смогла бабуля к шестидесяти годам найти (или сохранить) спонсора, кто оплачивает все ее излишества.

Влада несколько раз – в знак особого расположения! – приглашала богатую клиентку к себе в кабинет выпить кофе. В отличие от девиц с рецепции (те даже между собой соревновались: кто Наталье Васильевне как можно больше процедур навяжет) никогда даму не «разводила». Наоборот, просила ее соблюдать чувство меры, больше увлекаться здоровым образом жизни, а не ботоксом. Считала своим личным достижением, что отговорила клиентку от липосакции – зато убедила посещать классы йоги.

И гордилась, что – с ее помощью! – женщина в свои шестьдесят два выглядела от силы на сорок восемь.

Наталья же Васильевна, в свою очередь, смотрела на Владу восхищенными, преданными глазами. И доченькой называла.

Хотя у дамы и собственные дети имелись.

Впрочем, о них она не распространялась.

Единственный раз, когда Влада похвалила новый «Лексус» Натальи Васильевны, та гордо призналась:

– Сын подарил!

– А чем ваш сын занимается? – заинтересовалась директор оздоровительного центра.

Но клиентка тут же нырнула обратно в свою раковину. Неопределенно улыбнулась:

– Да так... всем понемногу.

А девчонки с рецепции (сколько Влада ни боролась, обожали перемалывать косточки посетительницам) тут же сочинили легенду: будто Наталья Васильевна замужем за крутым мафиози, а их отпрыск, молодой дон, постепенно прибирает власть над кланом в собственные руки.

Влада, когда случайно это услышала, лишь улыбнулась глупости администраторш: надо же настолько плохо разбираться в людской породе! Хотя, даже если вдруг это правда, не все ли равно – из какой семьи богатая клиентка?! Лишь бы продолжала исправно посещать клинику. Платить за многочисленные процедуры.

...Но однажды Влада столкнулась с Натальей Васильевной в холле и увидела: лицо у женщины сегодня выглядело совсем старым, и глаза хотя тщательно накрашены, но заплаканы. Директор встревожилась: горе постоянного клиента уже не чужое – почти свое. И тут же пригласила ее в свой кабинет.

Та слабо улыбнулась:

– У меня биоревитализация через пять минут.

– Я скажу Олечке, она вас подождет, – отмахнулась Влада.

А когда уселись рядышком в мягких креслах, прочувствованно спросила:

– Скажите, пожалуйста, я могу вам чем-то помочь?

Конечно, ничего у нее клиентка не попросит. Ну да главное – сочувствие проявить.

Однако Наталья Васильевна неуверенно произнесла:

– Даже не знаю, имеет ли смысл... Впрочем... – И огорошила: – Как вы считаете, алкоголизм излечим?

Влада не раздумывала ни секунды:

– Естественно.

– Вы уверены? – В голосе Натальи Васильевны звякнула горькая нотка. – А если человеку нравится пить? Если он не считает себя больным и запой для него – просто некая форма проведения досуга?!

– Я не нарколог, но уверена: проблема решается, – стояла на своем Влада. – Вопрос в методе.

– Видите ли, – безнадежно вздохнула Наталья Васильевна, – беда в том, что этот человек... очень близкий мне... не считает себя больным. И категорически отказывается лечиться.

– До какой степени все серьезно? – осторожно спросила директор клиники. – Человек потерял работу, бродяжничает, ворует на выпивку деньги?

– О господи, нет, конечно! – испуганно отозвалась клиентка. – Он абсолютно включен в социум... пока. Пока нам удастся хранить в тайне его безобразные запои.

– Простите, Наталья Васильевна, – мягко молвила Влада, – я могу узнать, о ком идет речь?

– О моем сыне, – опустила голову та. И неуверенно добавила: – Я никак не могу его убедить хотя бы даже посетить врача по профилю. А сомнительные методы, – она иронично улыбнулась, – все эти заговоры, порошки, что подмешивают в чай, шаманство над фотографией – конечно, никак не помогли... Вы не могли бы мне что-нибудь посоветовать?

– Единственный выход: убедить вашего сына, что он болен. Заставить его обратиться к доктору. А хорошего специалиста я вам, безусловно, найду, – заверила Влада.

– Бесполезно. Он не согласится, – покачала головой Наталья Васильевна. И с надеждой добавила: – Владочка, деточка, может быть, вы мне поможете?

– Но каким образом? Я ведь не нарколог! И даже – если честно! – давно уже не врач, всего лишь администратор!

– Зато вы, – убежденно молвила Наталья Васильевна, – умеете влиять на людей! Я-то уж знаю, каких усилий вам стоило превратить меня, отчаявшуюся старуху, в элегантную даму. Придумали ведь, как заставить следить за собой, знали, на каких струнах сыграть. Может, и для Гришеньки моего выход найдете?

– Но делать женщин красивыми и есть моя работа! – растерялась Влада. – А в каком ключе я на вашего сына могу повлиять?

– Ну, допустим, я загоню его к вам в клинику. Уговорю сходить на массаж, у него спина часто болит. А вы...

– Наташенька Васильевна, вряд ли это поможет, – мягко произнесла Влада. – Где массаж спины – и где алкоголизм?

Но собеседница не сдавалась:

– Влада, вы же такая умница! Ни в каких ситуациях не теряетесь! Пожалуйста, придумайте что-нибудь!

«Да у нее истерика просто», – опасливо подумала директор клиники.

Но и отказать клиентке никак нельзя.

– Хорошо, – твердо произнесла Влада. – Запишите вашего сына на прием. Только, конечно, не к массажисту. Допустим... к сомнологу. У него ведь, конечно, – как у многих из нас! – есть проблемы со сном?

– Да, да, безусловно! – просияла клиентка. – Когда Гриша работает, он вообще сам заснуть не может, только со снотворным! Он хотя бы ради того, чтоб рецепт получить, согласится прийти!

«Еще и лекарственная зависимость», – мелькнуло у Влады.

Но вслух она произнесла:

– Вот и придумали. Пусть приходит. Консультация сомнолога в любом случае не помешает. А я обещаю, что лично поговорю с вашим сыном. Попробую оценить, насколько далеко зашла болезнь. И чем ему можно помочь.

* * *

Будь она настоящим врачом — просто послала бы настырную пациентку, может быть, даже в грубой форме. Но Влада, к сожалению, давно забросила медицину практическую. Теперь, увы, она всего лишь администратор. И чтобы продолжать успешно руководить дорогой клиникой, против воли клиента идти никак нельзя.

«Кто другой так мирно все уладит! Там моську вовремя погладит, Тут впору карточку вотрет...» – вспомнилась бессмертная цитата. Ну что ей делать с маменькиным сыночком Гришенькой? Не читать же ему лекцию на тему, что пить – нехорошо? Влада еще помнила основной постулат преподаваемого в вузе курса наркологии: увещевать алкоголика совершенно бессмысленно. Тем более – постороннему человеку.

Придумала Наталья Васильевна – наверное, от отчаянья – очевидную глупость. Но угождать ей придется все равно.

...Когда девочки с рецепции доложили, что явился пациент Монин, Влада, лучась улыбкой, поспешила в приемную. И в недоумении замерла: ждала увидеть человека с тяжелым взглядом, помятого, рано постаревшего – но ей навстречу выступил очень молодой, румяный, прекрасно подстриженный, элегантно одетый парень. Не смущаясь сгоравших от любопытства секретарш, он уверенно приблизился, поцеловал ей руку, трогательно вскинул правую бровь:

– Вы и есть та самая Влада-волшебница? Очень, очень рад познакомиться!

А Влада поймала себя на престранной мысли. Что ее рука легла в ладонь парня, будто в гнездо. Теплое, крепкое, надежное.

Она и раньше не знала, о чем ей с необычным пациентом говорить, а сейчас совсем в отчаянье пришла. Потому что парень оказался ей совершенно здоровым, да к тому же очень, просто чрезвычайно красивым. Беспечные синие глаза, точеный нос, пухлые губы – как, наверно, хорошо было бы с ним... Все, Влада, успокойся.

– Пойдемте в мой кабинет, – как могла сухо пригласила она.

А едва Монин уселся в кресло, выпалила:

– Хотите честно? Я не знаю, зачем вы пришли.

– Как зачем? – широко улыбнулся Гриша. – Перед мамулей прогнуться, конечно! – И заговорщицки подмигнул: – Она ж у меня, хотя девочка взрослая, ведет себя иногда, как ребенок! Вбила себе в голову, что в клинике вашей чудеса творят, ну и решила заодно и меня переродить. Мертвой водичкой сбрызнули, потом живой – и – оп-па! – гражданин Монин разом теряет интерес к хорошему вину и на всех вечеринках интеллигентно цедит минералку!

Влада озадаченно слушала. Пыталась, вороша давние знания, отследить тревожность, истерические нотки в голосе, какую-нибудь трихитилломанию или иное навязчивое движение. Но парень выглядел уверенным в себе, расслабленным, умиротворенным. И пахло от него вовсе не спиртным, а хорошей туалетной водой.

А тот продолжал болтать:

– Вы, наверно, от меня сейчас сакраментального ждете: «Нет, я не пью! Я не алкоголик!» А вот не буду врать. Пью. Как все. По пятницам, а иногда – кошмар! – даже по субботам...

Внимательно взглянул ей в глаза, вздохнул:

– Влада, милая, глупости это. На то и мама, чтобы краски сгущать. Хотя правду она тоже сказала. О вас. В кои веки полностью согласен с моей старушкой – вы абсолютно неподражаемы. У вас такое серьезное лицо всегда или только когда вы беретесь алкоголизм лечить? Да, кстати. Говорят, у вас очень вкусный кофе...

А когда Влада поставила перед ним чашечку, серьезно произнес:

– Дайте мне ваш электронный адрес. И завтра – не позже двенадцати! – обязательно проверьте почту.

* * *

Влада в свои тридцать три замужем ни разу не была. И даже не влюблялась так, чтобы в омут. Не до того: учеба, работа. А главное – ей просто не встречались парни без червоточинки, с кем хотелось бы рука об руку и куда угодно.

Но Гриша очаровал ее с первого своего иссиня-обжигающего, наивного, веселого взгляда. С первого письма, что пришло, как он и обещал, по электронке. Текста в нем не было – только фотография. На ней она сама (карточку сын Натальи Васильевны позаимствовал с сайта клиники). И роза в ее руках. Картинка оказалась динамической. Сначала цветок выглядел, как слабенький бутон, потом лепестки медленно развернулись, растение потянулось вверх, к солнцу. И рассыпались фейерверком разноцветные буквы: «Мы завтра вечером идем... ВМЕСТЕ ПИТЬ МИНЕРАЛКУ!»

«Что ж, – усмехнулась про себя Влада. – Я пойду. Будем считать, что я продолжаю выполнять поручение Натальи Васильевны».

В ресторане она заказала себе бокал вина. Вопросительно посмотрела на Гришу.

– Нет, Владушка, я с тобой пить не рискну, – усмехнулся он. – Тебе ж еще перед моей мамой отчитываться!

И весь вечер, как обещал, прихлебывал газированную воду. Влада пыталась перехватить завистливый, страждущий взгляд в сторону ее бокала, но Монин смотрел на пурпурное сухое совершенно равнодушно.

Однако веселился – и безо всякого спиртного. Сыпал анекдотами, рассказывал, с шутками-прибаутками, о своей работе – Гриша оказался дизайнером, довольно известным.

Лишь раз его живое, улыбчивое лицо стало полностью серьезным, когда он произнес:

– Влада, я хочу тебе спасибо сказать. За маму. Она ж в какой-то момент совсем на себя рукой махнула: я, мол, старуха, жизнь позади. А начала в вашу клинику ходить – заинтересовалась. Мы-то с отцом только рады, что она занятие себе нашла, и денег ее забавы оплачивать нам хватает. Но, признаться, боялись – явится после ваших процедур однажды, как зомби: лицо совершенно гладкое, но неживое. Но вы ее как-то хитро омолодили. Вроде и есть морщинки, но такие естественные, милые, даже украшают ее! Я – как дизайнер – понимаю, насколько это сложно.

– Спасибо, – благодарно улыбнулась Влада.

Ей было легко с шепутным, энергичным, ярким, веселым парнем. И все ж точила мыслишка: ну не могла же Наталья Васильевна панику на совершенно пустом месте поднять! Есть у него, наверно, проблемы с алкоголем – только скрывает умело.

Однако, когда они встретились через пару дней, тоже не произошло ничего настораживающего. На этот раз Гриша даже с ней выпил – один, как и девушка, джин с тоником. Влада боялась: вдруг он мгновенно опьянеет? Или тут же закажет второй бокал? Но нет – цедил точно в ритм с нею маленькими глотками. А когда пошли после ресторана прогуляться, Влада задала провокационный вопрос: «Вечер хороший. Может, еще пивка на лавочке?»

Но парень перчатку не поднял, расхохотался:

– Понижать градус? Да на улице? И это мне предлагает директор оздоровительного центра?!

Посерьезнел, добавил:

– Владушка, брось. Мой якобы алкоголизм здесь вообще ни при чем. Мамуля просто свою дипломатию развела. Я не пристроен, от тебя она – в восторге. Знакомить нас у нее бы не получилось, мы с тобой люди взрослые, самодостаточные, свататься бы отказались. Только и оставалось придумать проблему и попросить, чтоб ты ее решила. У вас же, девчонок, в крови – всех

спасать!.. Вот ты и клюнула!

– Ну, возможно, – задумчиво произнесла Влада.

Хотя про себя подумала: будь у нее самой сын, никогда бы не стала, чтоб с девушкой познакомиться, придумывать для него болезнь, к тому же не слишком благородную. Потому продолжала допускать, что Гриша – все-таки алкоголик, пусть и не в последней, когда под забором валяются, стадии.

Однако уже и жить вместе стали (Наталья Васильевна была нескрываяемо счастлива), а он никаких поводов для беспокойства не давал.

Срыв случился через пару месяцев, когда Влада уже совершенно расслабилась.

Гриша получил большой заказ и напряженно работал. Владе не очень нравился его график: сидеть за компьютером ночами, днем отсыпаться. Но когда попыталась перевоспитать, любимый вздохнул:

– Муза, Владушка, дама капризная. Днем – отсутствует напрочь. Но я не против. Пусть когда угодно приходит – лишь бы являлась!

И подстегивал вдохновение литрами кофе, огромным количеством энергетических напитков.

Но когда спихнет, наконец, заказ, обещал ей, что йогой займется и что гулять они вместе будут каждый вечер.

Однажды утром разбудил ее поцелуем:

– Все, милая. Закончил. Жди вечером праздника!

Однако вернулась она после работы в пустую квартиру. Побежал за цветами? В магазин за деликатесами? Но Гриша явился лишь к полуночи. Вдребезги пьяный.

Устраивать скандал Влада не стала. Помогла раздеться, уложила на диван. Утром, естественно, ждала покаяния, извинений. Но Гриша лишь хитро улыбнулся:

– Словами вину не загладишь.

Быстро оделся, выбежал из квартиры... и пришел спустя три часа. С тремя помятыми гвоздичками – и пьяный даже больше, чем вчера. Пробормотал виновато:

– Не обижайся, Владка. Что-то нашло на меня... Заказ этот – всю душу вымотал. Надо восстановиться.

И снова плюхнулся спать.

М-да. На полный контроль над алкоголем – как Гриша хвастался – это было совсем непохоже. Но и страшного пока ничего нет, успокаивала себя Влада, что поделаешь, человек творческий. Нужен ему, наверно, после огромного умственного напряжения подобный примитивный релакс.

Увы, растянулся «релакс» на целую неделю. Причем с каждым днем хмель у Григория становился все тяжелее, и компании ему не требовалось: сидел в одиночестве над бутылкой, отрешенный, мрачный...

Влада совсем затревожилась, готова уже была вызвать нарколога, вытрезвлять на дому.

Но на восьмой день Гриша вскочил ни свет ни заря и бросился не в магазин за водкой, а к кофеварке. Влада накинула халатик, последовала за ним.

– Ты такой крепкий не пьешь, – виновато пробормотал Григорий. – Я тебе сейчас нормальный сварю.

И лицо его – впервые за кошмарную неделю – осветила прежняя солнечная улыбка.

Поцеловал ее, пробормотал благодарно:

– Спасибо тебе.

– За что? – холодно поинтересовалась она.

– Что мозг не выносила. Что бутылки не прятала, – усмехнулся он.

– Я все-таки врач, – пожала плечами девушка. – Понимаю, что бесполезно. Но сейчас...

– Да понял я, все понял, – перебил Гриша. – Нельзя так. Опасно, вредно, некрасиво и тэдэ. Давай выбирай – ты ж у нас специалист: чего делать будем? Кодироваться? В анонимные алкоголики вступать?

– Гришенька, – тихо произнесла Влада, – у тебя такое часто бывает?

– Ну... – задумался он. – В год несколько раз.

– А говорил – мама все придумывает! – упрекнула она.

– Так ты понимаешь, – досадливо отозвался Григорий, – я скоро в себя окончательно приду и снова буду считать: на пустом месте маман панику разводит. Мне ведь стыдно только сейчас, когда похмелье. Голова трещит, весь мир в черном цвете. Но дотяну до вечера – и опять все лучезарно! Я огурчик, здоров, полон сил! Ты же видела: я могу и совершенно нормально пить, как все. Бокал вина на аперитив, рюмочку коньяка – на дижестив. Но иногда – сама видишь! – тормоза отказывают.

– Значит, будем чинить твои тормоза, – решительно молвила Влада. – Пока ты с горы не сорвался. На крутом повороте.

И в тот же день записала Гришу на прием к хорошему наркологу.

Надо было бы отправиться с ним вместе, но закрутилась на работе, да и любимый возмущался:

– Что я, ребенок, за ручку меня к доктору водить?!

– Ладно, Гриша, я на тебя надеюсь.

...Но надеялась зря. На прием к врачу любимый не пошел:

– Клянусь, Владушка. Я уже все решил. Ради тебя я бросаю. И справлюсь сам. Не веришь – испытательный срок мне установи.

Она поверила. Но через месяц история повторилась.

Здесь уж пришлось проявить твердость, затащить Гришу к наркологу. Тот назначил лечение... но любимый снова умудрился уйти в запой. В этот раз, видно, из-за препаратов, что должны были вызвать отвращение к спиртному, загул проходил совсем некрасиво. Гриша скандалил, бил посуду, его тошнило, но он упрямо продолжал поглощать рюмку за рюмкой.

Влада по-прежнему любила его. Но на третий день беспробудного пьянства, когда рано утром Гришаня умчался за добавкой, вызвала слесаря. И сменила в квартире замки. Жить с алкоголиком – пусть даже вне запоев тот замечательный человек! – она не станет.

К двери прилепила записку: «Езжай к маме. Твои вещи я тебе привезу, когда протрезвеешь».

День на работе прошел тоскливо. И если до обеда она была уверена: поступила правильно! – то к вечеру ее охватило раскаянье. Вместо того чтоб помочь, выгнала беспомощного человека, и все! А ведь Гришина мама на нее надеялась...

Впору самой от безысходности выпить немного. Пару рюмочек, чтобы нервное напряжение сбросить.

Но когда вернулась домой (в пакете прятался коньяк – подношение благодарного пациента), на пороге ее встретил... Гриша! Снова пьяный, губы в глупой ухмылке.

Увидел ее, заулыбался:

– Солнце ты мое!

И, будто заправская ищейка, сунул нос в пакет, радостно схватился за коньяк:

– То, что мне нужно!

– Ты как сюда попал? – нахмурилась Влада.

– Через дверь, летать я не умею! – Он уже открывал прямо в коридоре бутылку – руки некрасиво тряслись.

– Но я же...

Отхлебнул из горлышка, расплылся в блаженной улыбке:

– Нектар. – И подмигнул: – А замки больше не меняй. Со мной это бесполезно. Один из моих многочисленных талантов – могу открыть любой. Даже без отмычки. Неоценимый я у тебя человек! – хмыкнул. – Из дизайнеров выгонят, пойду взломщиком. Тоже доход. Очень приличный.

И целоваться лезет, что за мерзость!

Влада оттолкнула Григория, убежала к себе в комнату. Закрывает дверь на задвижку, крикнула:

– Только посмей тронуть!

Он, по счастью, штурмовать ее покои не стал.

А когда девушка решилась, уже к полуночи, выйти в туалет, увидела: Гриша спит в грязных ботинках на белом мехе дивана...

И самое главное: даже сейчас вовсе не противно ей было на него смотреть. Жалость, любовь, беспомощность ее переполняли. Но совсем не презрение.

...А потом снова наступило похмелье. Покаяние. Врач. Очередные, уже более сильные, препараты. Полный запрет на спиртное в доме.

Гришина мама неприкрыто страдала и умоляла Владу:

– Деточка, ну пожалуйста! Уже не прошу исцелить его! Просто не оставляй его! Ну есть же люди, кто всю жизнь понемногу пьет.

Ничего себе понемногу!

Иллюзий Влада не питала: если она хочет жить с любимым, а не с жалкой, опустившейся личностью, нужно срочно принимать меры. Но какие?

В клинику Григорий ложиться отказывался категорически. Он продолжал считать: алкоголик – тот, кто пьет ежедневно. «А у меня, Владушка, не запои, а что-то вроде творческого отпуска! В наших кругах это вообще норма: поработал, напряг мозги – расслабился».

Хотя нарколог – Влада явилась к нему на беседу – был неумолим:

– Он сопьется окончательно. Вопрос года, не больше.

– Но сделайте же, черт возьми, тогда что-нибудь! – сорвалась она.

Врач лишь руками развел:

– Вы, коллега, должны понимать. Даже в травматологии, в хирургии больной прежде всего должен хотеть поправиться сам. Если этого нет, медицина бессильна. Мой вам совет: бросьте его. Только свою жизнь вместе с ним поломаете.

Но Влада продолжала любить Гришу – прежнего. Искрометно веселого, заботливого, ласкового. Стояла над постелью, смотрела, как мечется любимый в тяжелом алкогольном сне, и вспоминала их светлые дни. Когда вместе сидели у телевизора, выбирали новые занавески, он учил ее играть в компьютерные игры, пел ей под гитару. Внимательно выслушивая ее указания, делал ей массаж... Когда перевез однажды в ее квартиру любимые свои безделушки – от школьного еще плюшевого медведя до сувениров из заграничных поездок, и они расставляли их, вперемешку с Владиными, в серванте. Как смеялись, что потертый мишка составил прекрасную пару ее старенькой, времен детского

сада, кукле! А потом Гриша серьезно сказал:

– Все, милая. Раз наши игрушки сидят рядом, значит, и мы с тобой вместе – навсегда!

И ей тоже так этого хотелось!

А чтобы спасти любимого, Влада была готова на все.

* * *

Наши дни. Таня Садовникова

Любимейший читатель Таниного блога выступал под ником Толстяк, а в реале – приходился ей отчимом.

Полковник Ходасевич, пусть любил поворчать, что виртуальный мир подменяет реальную жизнь, сам в Интернете бродил частенько. Записи падчерицы читал исправно, а иногда даже на них откликался. Как сейчас, лапидарно: Утка с гречневой кашей.

Конечно же, Таня ответила: Приеду!

И уже через час входила в скудно, по-холостяцки обставленную квартирку. Впрочем, запахи здесь витали – лучшим ресторанам такие не снились.

– Утка фермерская, с утра еще крякала, – гордо оповестил Валерий Петрович, – начинил черносливом, на гарнир гречка, пышненькая, как ты любишь.

И у Тани (хотя, пока ехала, уверена была, что после всех переживаний даже кусочка не проглотит) сразу слюнки потекли.

А когда набила живот до отказа (аргументов про диеты Ходасевич не принимал и, если она не доедала, всегда обижался), уже и события последних дней стали казаться всего лишь обидными – но вовсе не роковыми.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/litvinovy_anna-i-sergey/nezrimaya-svyaz

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)